

ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ: ДОМ НА ОБОЧИНЕ

О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ ШВЕДСКИЙ СОЦИАЛИЗМ, У НАС ЗАГОВОРИЛИ ТОГДА, КОГДА СТАЛО ЯСНО, ЧТО СПАСАТЬ РОДНОЙ СОЦИАЛИЗМ, НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ УСИЛИЯМИ ПРИДЕЛЫВАЯ К НЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО, УЖЕ ПОЗДНО. СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ УМЕР. А ШВЕДСКИЙ ЖИВЕТ И СЕЙЧАС, НЕСМОТРЯ НА ХВОРИ И НЕДУГИ. И РАССТАВАТЬСЯ С НИМ НЕ ХОТЯТ НЕ ТОЛЬКО ЖИВУЩИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСОБИЯ МАРГИНАЛЫ, НО И ОПЛАЧИВАЮЩИЕ ИХ ВПОЛНЕ СЫТУЮ ЖИЗНЬ ШВЕДСКИЕ БУРЖУИ.

НАТАЛИЯ ГРАЧЕВА, СТОКГОЛЬМ

«МЫ ПОЙДЕМ ДРУГИМ ПУТЕМ» «Настоящий хороший дом не знает привилегированных или униженных, в нем нет ни любимчиков, ни пасынков. Здесь никто не смотрит на другого сверху вниз, никто не пытается нажить за счет других, а сильные не издеваются над слабыми. В этом доме правят равенство, забота, сотрудничество, взаимопомощь» — так в 1928 году охарактеризовал суть «общества его мечты» социал-демократ Пер Альбин Ханссон. В 1932 году, став премьер-министром Швеции, он принялся воплощать этот образ «народного дома» в жизнь, постепенно создав для шведов систему, которую мы называем шведским социализмом, или шведской моделью.

Образ этот появился в тяжелые 20-е годы, когда шведы буквально боролись за выживание. В сентябре 1921 года социал-демократы впервые заговорили об обществе всеобщего благосостояния, о так называемом третьем пути, проходящем по кромке социализма и капитализма: «Мы боремся не за диктатуру рабочего класса, не за то, чтобы одно угнетение сменить другим. Мы боремся за то, чтобы на прочных основах демократии и при поддержке большинства населения обеспечить равноправие угнетенным общественным классам — с тем, чтобы в конце концов вообще упразднить классы и превратить Швецию в надежный дом для всех шведов. Все шведские дети должны получить равные возможности, всем нашим сыновьям и дочерям надо гарантировать не только хорошее содержание, но и возможность наслаждаться жизнью, использовать все лучшее, что у нас есть. Швеция — для ВСЕХ шведов!»

Социал-демократы называли предложенную ими общественную модель то «гражданским домом», то «народным домом», то «общим домом». Для шведов слово «дом» всегда было связано со всем лучшим в жизни. К тому же в 20-е годы с мечтой о собственном доме в прямом смысле этого слова жило две трети населения: с жильем было напряженно. Светлая картинка «общего дома» прихлясла как нельзя кстати.

К 30-м годам идея окончательно выкристаллизовалась и поселилась в сердцах большинства шведов. «Основа народного дома — единство и солидарность. Это как в семье: все помогают друг другу и всем делятся. Мы хотим, чтобы наше существование было подстраховано, надежно — от колыбели до могилы. Национальные богатства будут перераспределяться от богатых к бедным путем налогов. Отвечать за это должен общественный сектор, государство и коммуны (муниципалитеты)», — писали газеты.

Лозунги быстро воплощались в жизнь. В 30-е годы в Швеции были введены детские пособия для семей с нетрудоспособными родителями (с 1948 года они выплачиваются всем семьям без исключения), увеличены отпуска (сейчас они составляют пять недель), повышены зарплаты. «Народный дом» приступил к исполнению и самого заветного желания шведов — о доступном жилье. Это, кстати, сыграло огромную роль в формировании нового общества, где каждый чувствовал себя окруженным заботой. Чис-

ЖИТЬ В ШВЕЦИИ КОМФОРТНО И НЕ СТЫДНО: В КАКУЮ БЫ ГЛУБИНКУ НИ ЗАГНАЛ СВОЙ «МЕРСЕДЕС» ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ БИЗНЕСМЕН, ВЕЗДЕ ОН НАЙДЕТ ПРЕКРАСНУЮ ПАРКОВКУ, АБСОЛЮТНО ОДИНАКОВОГО КАЧЕСТВА ДОРОГИ И ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ «ЛЮДЕЙ ИЗ ГЕТТО» С НЕНАВИСТЬЮ В ЗАВИСТЛИВЫХ ОЧАХ

ВЛАСТЬ

тое, просторное жилье стало символом шведской модели. Квартиры были оснащены всем необходимым. И до сих пор все жилье предоставляется гражданам максимально обустроенным — с холодильниками, стиральными и посудомоечными машинами, электроплитами, кладовками и встроенными шкафами. В новых квартирах обязательно есть гостиная. «Шведы, которые раньше дневали и ночевали на кухне, теперь должны были учиться общаться в гостиных, обставленных стильной легкой мебелью. Кухня превратилась в „уголок“ или даже в „лабораторию“, ее сознательно уменьшали, вытягивали в длину — чтобы и присесть было негде», — пишет шведский историк Герман Линдквист. Иногда вместо кухни вообще оказывалась дверь лифта, на котором можно было спуститься в ресторан.

Бунтарские настроения, охватывавшие мир, обходили Швецию стороной. Когда на больших дорогах разыгрывались военные страсти, «шведский дом» был «хатой с краю». Нейтралитет становился козырной картой. Благодаря ему, сохранив и даже приумножив свой экономический потенциал в годы общеевропейских бед и разрушений, Швеция успешно завоевала новые рынки сбыта в Европе и Америке. Население становилось все более обеспеченным и менее революционным. Радикальные идеи о национализации промышленности уступали место мыслям о рыночной экономике. Как объяснял премьер-министр Швеции Пер Альбин Ханссон, шведы решили «не забивать корову капитализма», а доить ее на благо народа.

Идеологической основой «третьего пути» стала мысль о строительстве в отдельно взятой стране общества всеобщего благосостояния. Вернее, общества равных... в воздержании. В пуританской стране, где религия долгое время проповедовала сдержанность, умеренность и неприличие «шика», богатые относительно спокойно восприняли требования, сводившиеся к краткой формулировке: «Надо делиться». В основу этой «модели» легло Сальтшебаденское соглашение 1938 года: традиционные противники — профсоюзы и работодатели — взяли на себя обязательство цивилизованно и мирно решать все споры и конфликты. После этого была создана самая всеохватывающая в мире налоговая система.

ВОЙНА ВЫСКОЧКАМ, МИР СЕРЕДНЯЧКАМ

Поначалу все шло прекрасно. В стране наблюдались стремительный рост производства, удивительная стабильность. Успех закрепило в 60-е годы правительство Таге Эрландера, приняв законы, защищавшие население от стихии рынка. Знаменитая политика выравнивания доходов вытаскивала из трясины депрессивные районы и убыточные области. До сих пор в Швеции взимается так называемый налог Робин Гуда, ненавидимый благополучными муниципалитетами (коммунами): богатые коммуны часть своих доходов отдают на покрытие дефицита коммун бедных, чтобы те могли поддерживать уровень жизни своего населения на «среднешведском» уровне.

К 60-м годам уравниловка установилась буквально во всех областях жизни. Народ перешел с «вы» на «ты», и даже старушки требовали обращаться к ним «по-новому» — как тогда говорили, «в единственном числе». Зарплаты и пособия, пенсии и коммунальные услуги — все было подстрижено под гребенку. Много и успешно работать стало невыгодно: чем больше человек получает, тем больше отдает «бездельникам». Заодно «построили в линейку» и подрастающее поколение. Но принцип «одинаковые требования ко всем детям» спустя несколько десятков лет привел к плачевным результатам. Чтобы не обидеть и не выделить никого из детей, им отказывали в праве на проявление исключительных способностей. Спецшколы были практически изжиты, оценки ставили лишь в старших классах. «Выскачкам», талантливым детям, которые явно были на голову выше сверстников в развитии, строго указывали на место среди «середнячков»; высовываться было по меньшей мере неприлично. Бесплатное образование, основанное на методах мягкого поощрения примерных учеников и столь же мягкого укора по отношению к нерадивым, стало для многих подростков просто приятным времяпрепровождением. Избавленные от домашних заданий и угрозы исключения лоботрясы год за годом снижали общую планку, ведь ориентация шла на «среднестатистического» отпрыска. Шок наступил не так давно, когда в результате исследований выяснилось, что больше 15% выпускни-

ков не умеют писать! Одно хорошо: с нервами у юношей и девушек все в порядке, поскольку в «шведском доме» никто на них не орет и пальцем, разумеется, не трогает, а потому вырастают детишки, как правило, спокойными и доброжелательными. Еще один положительный момент: за время обучения в средней школе у детей не вырабатывается стойкого отвращения к занятиям, а потому до 95% из них благополучно и охотно пересаживаются за парты гимназий. Правда, решив получить специальное, а тем более высшее образование, молодые шведы вынуждены здорово напрягаться. Тут уже и оценки появляются, и экзамены (хотя в целях защиты молодежи от стрессов ни выпускных, ни вступительных тестов в вузы не устраивают — зачисление идет по конкурсу аттестатов).

А выпускников «шведская модель» давит строгим регламентом жалования. Тем, кто мечтает стать по-настоящему богатым, в Швеции делать нечего. При открытии собственных фирм и предприятий риски огромны, а доходы после всех выплат и налогов не порадуют настоящих воротил бизнеса. Поэтому молодые специалисты бегут в споредельные и заморские страны, предлагающие куда более заманчивые зарплаты.

Бегут и степенные бизнесмены, увозя за собой целые концерны. Ответом на вопрос, что гонит их из «общего дома», будет тяжелое слово «налогообложение». Чтобы заметить другие, едва ли не более острые камни на пути финансового процветания отдельного предпринимателя, надо хорошенько проникнуться шведским духом.

Повальная сдвинутость на экологию (обусловленная опять-таки одним из принципов шведской модели, требующей оставить потомкам землю, на которой можно жить и дышать не хуже, чем довелось дедам) предъявляет производственным, транспортным и земледельцам почти невыполнимые требования по «незагрязнению» воздуха, земли и воды, а в случае малейших нарушений душит чудовищными штрафами.

Принцип открытости делает деятельность фирм и компаний абсолютно прозрачной, и, таким образом, не только беззащитной перед армией проверяющих, но и доступной для конкурентов.

В ШВЕЦИИ ПОЖАТЬ РУКУ КОРОЛЮ МОЖЕТ КАЖДЫЙ МАЛЫШ